

© 1994 г. В.З. ДЕМЬЯНКОВ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОДХОДА*

1. КОГНИТИВИЗМ КАК ОБЩЕНАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1.1. Общая характеристика когнитивизма. Когнитивизм – взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач. Поскольку решение этих задач непосредственно связано с использованием языка, вполне естественно, что язык оказался в центре внимания когнитивистов. А теоретики языка, причисляющие себя к когнитивистам, стремятся применить общий подход для описания и объяснения "языковой когниции".

В науке нередок тот случай, когда в новой концепции слышны отголоски когда-то звучавших положений или проблем. Затронуло это *déjà vu* и когнитивизм. Приняв термин "когниция" в качестве ключевого, направление это обрекло себя на обвинения в перепадах в новых терминах того, что давно известно. Ведь когниция, познание, разум, *intelligentia* были предметом рассуждений с незапамятных времен. Наше столетие прошло под знаком когниции. Внешне же когнитивисты отличаются от предшественников очень широким использованием информационно-поисковых метафор и образов. Когниция для когнитивистов – процедуры, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний [1, с. 11].

Затруднительно оценить когнитивизм и потому, что этим именем одновременно называются [2, с. 181]:

- программа исследований человеческого "мыслительного механизма" [3, с. 9];
- стиль наблюдений над явлениями ментальной природы человека (в этом когнитивизм близок феноменологии);
- исходная гипотеза о том, что субъект – источник, инициатор своих действий;
- демаркация области исследования, когда когниции – восприятие, языковая деятельность, память, представления – противопоставляются аффектам, не входящим, тем самым, в число первичных объектов исследования.

Разрабатывая модели "внутренней переработки" (*inner processing*), когнитивисты характеризуют ментальные события в менталистских терминах [4, с. XIII]. Поиски причин того, что вызывает в нас те или иные конкретные мысли, не исключительно когнитивистское занятие. Есть еще как минимум два других подхода: бихевиоризм и нейропсихология. Бихевиоризм стремился характеризовать поведение в терминах навыков, стимулов и реакций. Нейропсихология же видит объяснение на уровне нейронных процессов [4, с. 3–4]. В отличие от этих подходов, когнитивисты стремятся формулировать свои гипотезы в терминах самих ментальных процессов, не сводимых

* Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта "Язык и знания. Когнитивные исследования" (руководитель акад. Ю.С. Степанов), финансируемого Институтом языкознания РАН и Российским фондом фундаментальных исследований.

ни к стимулам и реакциям, ни к взаимодействию клеток. Это – попытка функционально идентифицировать ментальные состояния, в терминах их взаимодействия между собой, в абстракции от материальной реализации в мозгу.

Например, в "когнитивной теории личности" сосредоточиваются не на фазе собственно восприятия, а на том, что происходит затем – условно эту другую фазу и называют "переработкой информации". Такую "переработку" характеризуют или в терминах "схем", "фреймов", "скриптов" и т.п. – или (как в концепции "параллельной распределенной обработки" – parallel distributed processing, сокращенно POP) более мелких, "микроуровневых" понятий – "микропризнаков", фигурирующих в рамках взаимодействующих систем [5, с. 7]. Когнитивность теории – в стремлении учесть степень близости конкретного исследуемого феномена к сознанию [6, с. 16]. Отсюда и общая когнитивистская установка на проявления когниции во внешнем поведении [7, с. 1].

Что же нового приносит когнитивизм? Что дают новые метафоры и образы процедур, выполняемых ментальностью человека? Какому содержанию соответствует эта "компьютерная стилистика" теории? Ответить на этот вопрос помогает следующая аналогия с алгеброй. Алгебра как искусство решения конкретных квадратных уравнений идейно существовала до создания нынешнего формального аппарата. Но рождение ее связывают с возникновением системы, позволяющей генерировать методы решения крупных типов задач. Когнитивизм делает заявку на метод серийного, если угодно, "промышленного", решения задач о человеческой мысли, а заодно порождает целую серию новых проблем.

1.2. "К о г н и т и в н а я н а у к а". "Когнитивная наука" – исследование разума (intelligence) и разумных систем, при котором разумное поведение рассматривается как что-то вроде вычисления [8, с. 1]. От предшествующих подходов к когниции ее отличает степень проникновения идей и техник "вычисления". Последний термин берется не в чисто арифметическом смысле, а как аналог операций, осуществляемых ЭВМ [9, с. 51].

Ясно, что такая дисциплина должна быть комплексной. Например, ее можно представить как "федерацию" наук, не связанных строгими уставными отношениями. В эту "федерацию" входят: искусственный интеллект (или "прикладная философия"), языкознание, психология и неврология [10, с. 28] (другой вариант административного деления: физиология, психолингвистика и математика [11, с. 28]). Искусственный интеллект нацелен на имитацию человеческого интеллекта с помощью ЭВМ в решении задач вообще. "Когнитивная лингвистика" – филиал когнитивной психологии, использующей арсенал переработки языковой информации для построения моделей, имитирующих внешние проявления человеческого поведения при решении интеллектуальных задач. Наконец, неврология, или теория мозга, должна сводить поведение человека и животных к схемам взаимодействия элементов нервной системы.

Общий знаменатель такой комплексной когнитивной науки – построение моделей познания и интеллекта, с перспективой воплощения их на ЭВМ. Итак, предметом исследования являются: человеческая когниция (т.е. взаимодействие систем восприятия, репрезентирования и продуцирования информации) и ее "технологическое представление" [11, с. 30].

Когнитивная психология 1960-х гг. – и в этом ее заслуга перед остальными когнитивистскими дисциплинами – продемонстрировала возможности информационно-поискового подхода к человеческой ментальности, возможности нового научного метаязыка. Понятие обработки информации, заимствованное из теории информации, где оно применялось к физическим системам передачи сообщений, было приложено к человеку. Общая идея трансформировалась в следующее положение: организмы используют внутренние представления (репрезентации) и осуществляют "вычислительные" операции над этими представлениями. Когниция теперь – объект регулируемого (по правилам) манипулирования репрезентациями, в полной аналогии с современными ЭВМ.

Этот теоретический эксперимент, выявивший гибкость нового научного метаязыка

в описании психических процессов, создал предпосылки для когнитивистского подхода к объекту и результатам исследований в смежных дисциплинах. И конечно же, в лингвистике, поскольку во всем комплексе наук о человеке сталкиваются, в первую очередь, с отношениями между языком и другими человеческими видами деятельности и процессами. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к человеческому поведению [12, с. 273].

1.3. "Когнитивная революция". Так мы подходим к феномену, получившему название "когнитивная революция". Не будем, впрочем, слишком серьезно воспринимать термин "революция" в данной связи: никаких разрушений и ниспровержений предыдущего уклада теоретической жизни в науках о человеке когнитивизм, к счастью, не принес. В 1950–60-е годы, богатые политическими и социальными потрясениями, это слово стало избыточным комплиментом, раздаваемым направо и налево, ср.: "генеративная революция", "революция в биологии", "экономическое чудо" (в Японии и ФРГ), "революция в психиатрии" [13, с. 8] и т.д. Что же происходило с когнитивизмом?

До когнитивистов стремились открыть общие логические законы, действительные для всех биологических видов, материалов, веков и стадий знания, в отвлечении от содержания [14, с. 306]. Теперь же главные принципы привязываются к человеческой когниции. "Революционерами" 1956–72 гг. были Дж. Брунер, Дж. Миллер, У. Найссер, Ж. Пиаже, А. Ньюэлл, Г. Саймон и др. [15]. По степени теоретической и личностной солидарности когнитивизм вполне сопоставим с бихевиоризмом в психологии 1940-х – ранних 1950-х гг. Именно междисциплинарность названного периода предопределила аксиомы когнитивизма [14, с. 117]:

1. Исследуются не просто наблюдаемые действия (т.е. продукты), а их ментальные репрезентации, символы, стратегии и другие ненаблюдаемые процессы и способности человека (которые и порождают действия).

2. На протекании этих процессов сказывается конкретное содержание действий и процессов, а не всеядный "навык" бихевиористов.

3. Культура формирует человека: индивид всегда находится под влиянием своей культуры.

Чего-либо революционного в этих установках мы, конечно же, не находим, – кроме, может быть, выраженного антибихевиоризма. Собственно говоря, поводом для именованного нового направления "революцией" и явилось это "анти-": революционеры, что ни говори, должны же против чего-нибудь выступать. "Революционеры"-когнитивисты стремились вернуть мысль (mind) в науки о человеке – после "долгой холодной зимы объективизма" [16, с. 1]. Они стремились не реформировать бихевиоризм, а вытеснить его как методологию научного исследования [16, с. 3–4].

К середине 1950-х годов появилась заманчивая перспектива объяснить мыслительные процессы через "правила преобразования мысленных представлений", аналогичные трансформационным правилам в первых версиях генеративной грамматики. Эти правила вырисовывались из наблюдений над усвоением языка детьми [17, с. 1]: складывалось впечатление, что дети каким-то единообразным способом приходят к овладению своим родным языком и что этот универсальный "алгоритм" овладения языком состоит во введении новых правил во внутреннюю грамматику ребенка. Обобщая эти наблюдения, пришли к выводу о том, что эти правила очень похожи на все, что управляет и неречевыми видами деятельности, придает им продуктивность, и выглядит иногда как непроизвольное, неконтролируемое поведение, отражаясь на структуре восприятия, памяти и даже на эмоциях [18, с. 6–7].

Основанная на подобных соображениях когнитивистская методика близка по духу деятельности лингвиста, когда тот, интерпретируя текст, анализирует причины правильности и осмысленности предложений (на основе опроса информантов и/или интроспективно), прибегает к гипотетико-дедуктивным построениям [19, с. 539; см. также 20, с. 371]. Исследование того, как человек оперирует символами, осмысляя и

мир, и себя в мире, объединяет лингвистику с другими дисциплинами, интерпретативным путем изучающими человека и общество.

Наш основной тезис в этой связи таков. "Когнитивная революция" была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. Это стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире, особенно ярко выраженное в лингвистическом "интерпретационизме" ("интерпретирующая семантика"), в философской и юридической герменевтике, в литературоведческих теориях читателя (reader criticism). Однако когнитивизм меньше по объему этого интерпретационизма, не исчерпывает его.

1.4. Направления критики когнитивизма. Когнитивная наука как проект исследования человеческой когниции актуальна и практически важна. Однако она связана с неизбежными огрублениями. Вот почему часто можно слышать следующие " типовые " замечания в ее адрес:

1. Уход от проблем " значения " к " информации ", от " создания " значения – к обработке информации – дань моде, технократизму, т.е. огрубление, используемое для облегчения технической реализации модели. На деле же значение и информация – совершенно разные вещи. Ведь значение присуще даже неинформативным сообщениям. Для системы обработки информации безразлично, обрабатывается ли сонет Шекспира или матрица чисел. Важно лишь, чтобы сообщение было информативным, т.е., контрастировало на фоне альтернативного выбора знаков, укладывалось в составленный заранее код. При информативном взгляде предполагается кодекс predetermined возможностей выбора, за пределами которых нельзя вообще говорить об обработке информации в терминах элементарных операций (входящих в predetermined же набор отношений), производимых над фиксированными и произвольными по своей природе единицами. Информационной системе – в отличие от системы значений – внеположены такие понятия, как неопределенность, полисемия, метафора и коннотация [16, с. 4].

2. Замысел когнитивной науки интересен, но реализации уводят далеко в сторону к чему-то слишком технократичному, менее человеческому. Вряд ли когниция в классическом смысле слова может быть приравнена к зеркальному отражению, которое-то и моделируется в терминах информационно-поисковой парадигмы. Более правдоподобен тот взгляд, что человеческое познание (как и язык, миф и искусство). – не зеркало, всего лишь отражающее внешнюю и/или внутреннюю сущность предметов, которые обладают своей структурой еще до акта нашего познания; его скорее можно сравнить с источником света, создающим предпосылки для человеческого восприятия. Чем лучше освещение, чем сильнее источник, тем четче мы видим предмет [21, с. 26] (ср. противоположный подход: "Идея, будто познание может "создавать" всеобщие формы, заменять первичный хаос порядком и т.п., есть идея идеалистической философии. Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только отражать эту закономерность" [22, с. 165]). По Кассиреру, всякое познание покоится прежде всего на поиске единого принципа, объединяющего в одно целое разнородные наблюдения. Единичное не должно оставаться единичным, оно должно быть подведено под какую-то категорию, в которой представлено как элемент либо логической, либо телеологической причинно-следственной структуры [21, с. 8].

3. Нельзя сводить человеческое к чистой информации, поскольку важнейшей чертой человеческого интеллекта является воля. Интеллект – это когниция плюс воля (плюс еще что-то). Ограничиваясь манипулированием символами, когнитивная наука оставляет интенциональность за бортом [23, с. 11]. Итак: или в когницию следует включить интенцию, волю, – но тогда это не когниция в классическом понимании слова, – либо же признать, что когнитивизму недоступно моделирование интеллекта. В обоих случаях затруднение возникает из-за трактовки термина "когниция" в информационно-поисковом смысле.

4. Синтактика символов, которой когнитивисты чаще всего ограничиваются, не

может адекватно отразить ментальность человека: люди мыслят семантическими сущностями [24, с. 43–55].

Из-за сомнительной революционности, недостаточности метафоры информационного поиска и отсутствия организационного единства когнитивизм постигла судьба других "измов" (как в свое время бихевиоризм и структурализм): этот термин "служит знаменем для крестовых походов, предпринимаемых различными научными школами, когда войска стремятся к сотрудничеству для того лишь, чтобы разгромить общего врага" [2, с. 181]. Имеется не одна, а много когнитивистских "унифицированных" теорий [25, с. 503], образующих "содружества" и стремящихся к синтезу, взаимной адаптации, а не вытеснению друг друга. И в этом стиле взаимодействия мы видим характер интерпретациониста, по-человечески, терпимо относящегося ко всему, что попадает в сферу его внимания.

2. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

2.1. Общие задачи. "Когнитивная лингвистика" – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм.

В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят "ментальные" основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются ("репрезентируются") и участвуют в переработке информации. На научном жаргоне последних лет эта задача ставится так: каковы "репрезентации" знаний и процедуры их обработки? Обычно полагают, что репрезентации и соответствующие процедуры организованы модульно, а потому подчинены разным принципам организации [26, с. 223].

В отличие от остальных дисциплин когнитивного цикла, в когнитивной лингвистике рассматриваются те и только те когнитивные структуры и процессы, которые свойственны человеку как *homo loquens*. А именно, на первом плане находятся: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов. При этом возникают следующие вопросы [27, с. 1–2]:

1. Репрезентация ментальных механизмов освоения языка и принципов их структурирования: достаточно ли ограничиться единой репрезентацией – или же следует представлять эти механизмы в рамках различных репрезентаций? Как взаимодействуют эти механизмы? Каково их внутреннее устройство?

2. Продуцирование. Главный вопрос: основаны ли продуцирование и восприятие на одних и тех же единицах системы или у них разные механизмы? Кроме того: протекают ли во времени процессы, составляющие продуцирование речи, параллельно или последовательно? Скажем, строим ли мы сначала общий каркас предложения, только затем заполняя его лексическим материалом, или же обе процедуры выполняются одновременно, и тогда как это происходит? Какие подструктуры (например, синтаксические, семантические, концептуальные и т.д.) фигурируют в продуцировании речи и как они устроены?

3. Восприятие в когнитивистском ключе исследуется несколько более активно, чем продуцирование речи, – в этом еще одно проявление интерпретационизма. В связи с этим спрашивается: Какова природа процедур, регулирующих и структурирующих языковое восприятие? Какое знание активизируется посредством этих процедур? Какова организация семантической памяти? Какова роль этой памяти в восприятии и в понимании речи?

В когнитивной лингвистике принимается, что ментальные процессы не только базируются на репрезентациях, но и соответствуют определенным процедурам – "когнитивным вычислениям" [28, с. 37–38]. Для остальных "когнитивных дисциплин" (особенно для когнитивной психологии) выводы когнитивной лингвистики ценны в той мере, в какой позволяют уяснить механизмы этих самых когнитивных вычислений в целом [29, с. 141].

На таком информационно-поисковом жаргоне центральная задача когнитивной лингвистики формулируется как описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего [30, с. 5]. Говорящий-слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и соотносящая языковую информацию на различных уровнях. Цель когнитивной лингвистики, соответственно, – в исследовании такой системы и установлении важнейших принципов ее, а не только в систематическом отражении явлений языка. Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание "когнитивно" перерабатывается, т.е., какова "когнитивная действительность". Адекватность и релевантность высказываний лингвистов оцениваются именно под этим углом зрения, интерпретируясь [30, с. 6] как то, что отражает:

1. Усваиваемость. Предлагаемый исследователем вид ментальной репрезентации должен быть доступен для усвоения. (Вопрос только в том, что считать доступным для усвоения, а что – недоступным.)

2. Перерабатываемость. Репрезентация-кандидат может перерабатываться с помощью программы некоторого достаточно правдоподобного анализатора (на ЭВМ). Этим объясняется тяга к проверке грамматической модели методами компьютерной лингвистики.

2.2. Язык как объект когнитивной лингвистики. Некоторые лингвисты (например, генеративисты) считают, что языковая система образует отдельный модуль, внеположенный общим когнитивным механизмам [29, с. 141]. Однако чаще языковая деятельность рассматривается как один из модусов "когниции", составляющий вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних. К таким способностям относятся: построение образов и логический вывод на их основе, получение новых знаний исходя из имеющихся сведений, составление и реализация планов [2, с. 27].

Примером когнитивистского стиля в теоретизировании является "когнитивная фонология" (cognitively-based phonology) [31, с. 155–156], в которой описание происходит в терминах правил построения структуры, "работающих" в тесном взаимодействии с "когнитивными схемами". Эти схемы составляют внеязыковую систему "ментальной компетенции". Упор делается на функциональность, а не на формальную простоту, – почему и допустимы телеологические объяснения.

Другой пример когнитивистского подхода связан с использованием принципа "когнитивного соответствия", формулируемого так [32, с. 79]: выдвигая представление (репрезентацию) для конкретной единицы, следует обратить внимание на то, как эта единица узнается (cognized). Из нескольких конкурирующих исследовательских гипотез о структуре предложения, предиката, текста и т.п. выбирается тот, который в наибольшей степени соответствует, по мнению исследователя, когнитивной реальности. Формально правдоподобная репрезентация, противоречащая этому принципу, должна браковаться.

Это положение противоположно принципу прямого соответствия, согласно которому элементы репрезентации прямо соответствуют сущностям в мире и отражают истинностные условия (truth conditions), или условия удовлетворения (conditions of satisfaction). Например, словосочетание "Бруклинский мост" имеет референцию к конкретному предмету в действительности, если существует объект этой действительности ("референт"), удовлетворяющий требованиям данной дескрипции – такой предмет выглядит как мост, и его принято именовать "Бруклинским" (возможно, и расположен он в Бруклине). Иначе говоря, он удовлетворяет всем требованиям, задаваемым дескрипцией. По принципу же когнитивного соответствия, "Бруклинский мост" соотнесен не с конкретным предметом в реальном мире (вне "когниции" человека), а с некоторой сущностью в когнитивном представлении этого мира, в "проекция" мира на когницию человека [33]. В силу принци-

па когнитивного соответствия, когнитивная структура заложена в значениях языковых выражений.

Лапидарно когнитивистскую точку зрения на значение и референцию можно сформулировать в виде максимы: "Избегай говорить о чем-либо в обход когниции человека". Отсюда – один шаг до признания избыточности термина "референция": если ты когнитивист, то имеешь право говорить только о денотации языковых выражений.

Однако, без понятия "референции", без опоры на аксиомы "внешнего мира" как установить несамопротиворечивость суждения в языковой форме? Эту проблему ставит когнитивная лингвистика перед философией языка. Когнитивисты надеются получить ответ на этот вопрос в рамках следующих теоретических проектов:

1. Построение теории интерпретации текстов (которые, как известно, иногда содержат взаимоисключающие суждения), объясняющей логический вывод на естественном языке – "речевое размышление". Такая теория должна давать характеристику процессам когниции и отношениям между предложениями и внутри них. Сама человеческая когниция, повторим, моделируется как "когнитивное вычисление" [34, с. 1].

2. Разработка науки о "работе мысли" человека, включающей теорию вычислимости смысла текста, т.е. установления связности его (логической несамопротиворечивости [35, с. 26]), при том, что (вслед за феноменологами) связность суждений о мире считается коррелятом истинного существования мира [36, с. 223].

Так, стартуя с лингвистической площадки, мы заходим на территорию смежных дисциплин. Когнитивисты обречены на междисциплинарность, это предопределено самой их историей. Только общими усилиями психологии, лингвистики, антропологии, философии, компьютерологии (computer science) можно ответить на вопросы о природе разума, об осмыслении опыта, об организации концептуальных систем [29, с. XI].

3. КОГНИЦИЯ

3.1. Определение и виды когниции. Прообраз рабочего определения когниции в терминах информационно-поисковой парадигмы можно найти у Дж. Беркли, писавшего в 1710 г.: "Для всякого, кто обзрывает объекты человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи (ideas), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения, наконец идеи, возникающие через соединение, разделение или просто представление того, что было первоначально воспринято одним из вышеупомянутых способов" [37, с. 171].

Однако термин *cognitio* и всевозможные связанные с ним дистинкции фигурировали еще раньше, когда выделяли такие виды познания, как абстрактное (*abstractiva*), наглядное (*intuitiva*), обыденное (*practica*), познание определенности вещи (*quidditativa*), обращенное на самое себя (*reflexiva supra se*), теоретическое (*speculativa*), отчетливое (*distincte*), смутное (*confusum*) и т.д. [38–40; 41, с. 98–99]. Стремление "Я" понять себя самого было источником и идеализма, и трансцендентальной философии [42, с. 13].

Понятие когниции включает не только утонченные занятия человеческого духа (такие как знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, делание наглядным, классифицирование, соотнесение, фантазирование и мечты [43, с. 2]), но и процессы более земные, такие как организация моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание и узнавание [44, с. 14–15]. К необходимым условиям когниции относится мимезис [45, с. 262].

3.2. Границы когниции, знание и эмоции В отличие от когниции, знание одновременно представляет собой [3, с. 26]:

– оправданное мнение или вообще адекватную и оправданную репрезентацию,

– процедуру получения такой репрезентации.

Когниция же внеположена истинностному значению и оперирует как (истинным) знанием, так и заблуждениями. Ее характеризуют процедуры обращения с знаниями и мнениями (некоторые из которых могут быть ошибочными и неадекватными) вместе с их связями. Знаниям и мнениям приписываются репрезентации, которые когниция как процедура порождает и использует.

Будучи внеположенной фактору истинности, когниция-узнавание, как считал в свое время А. Майнонг [46, с. 18], – акт суждения (*Urteilen*), к которому рано или поздно присоединяется момент обоснования, собственно событию суждения не обязательно присущий: недаром бывают ложные суждения. Итак, когниции свойственна связь с внутренним обоснованием, а не с установлением истины.

Чтобы ответить на вопрос, почему ошибочные суждения не мешают когниции, Августин различал имплицитное осознание (*posse*), связанное в первую очередь с памятью, и эксплицитное (*cogitare*) [47, с. 21–29]. Душа знает себя имплицитно, однако человеку хочется получить объяснение (экстериоризацию) внутреннего этого знания. Видимо, потому нас так часто и преследует мысль, что мы никак не можем в речи выразить что-то осознаваемое глубиной души.

Фома Аквинский, считавший душу формой тела и его первым субстанциональным актом [47, с. 77], называл это предрефлексивное сознание, простое сознание себя, актуализацией *cognitio habitualis*, отличая его от остальных форм самоосознания [47, с. 113].

Взаимодействие имплицитной и эксплицитной, обыденной и экстериоризованной когниций вряд ли можно представить как простое выражение, перевод с "языка" внутреннего представления на "язык" внешнего выражения: внешнее выражение, более богатое, чем внутреннее, обладает дополнительными моментами, обусловленными, например, условностями жанра. Так, фабула незатейливой сказки и романа может быть одной и той же, – но экстериоризация в двух этих случаях очень различна по насыщенности чувствами и мыслями. Экстериоризация происходит по культуро-обусловленным канонам развертывания когниции. Различны ли эти каноны в научной и обыденной когнициях?

Часто считают, что "ученое" осознание глубже обыденного и, может быть, вообще не зависит от него. Но ведь несомненно, что во всех культурах "обыденная" когниция незримо присутствует при чувственном восприятии, в правильных и неправильных интуитивных суждениях, в индуктивном рассуждении, в силлогизмах и паралогизмах, в казалось бы необоснованных предвзятостях и в личных мнениях [48, с. 10]. "Ученые" суждения зависят от обыденных значительно чаще, чем обыденные – от ученых мнений. Поскольку человек включен в окружающую обстановку, он зависит от богатства и состояния наличных когнитивных средств. Недостатком этих средств и объясняют иногда заблуждения [49, с. 1].

Отличается когниция и от эмоции, поскольку [50, с. 172], оперируя дискретными, в высшей степени специализированными, различными и систематизированными единицами и структурами, когниция в высшей степени структурирована, а когнитивные структуры ориентированы на отражение структуры внешнего мира в связи с потребностями социальной деятельности – включая сюда сообщение мыслей. Хотя когнитивные структуры привязаны к вербальным (символьным) структурам, а языки мира очень разнообразны, основные механизмы когниции универсальны, что и проявляется в семантике языка. Универсальные языковые структуры (*patterns*), универсальные грамматические категории, а также организация категорий вокруг прототипов свидетельствуют о том, что человек не просто "осваивает" действительность, но активно и целенаправленно организует ее определенным образом для конкретных целей [51, с. 273].

На этих положениях основана, между прочим, психотерапевтическая практика [13, с. 8], когда когниция берется как дискретный фрагмент знания, элемент понимания (включая знание, интерпретацию, понимание, мысли, возникающие у индивида о нем

самом в конкретном окружении), а аффект и поведение человека трактуются как результат когний, с помощью которых человек структурирует мир. Когнии человека (речевые или зрительные "события" в потоке его сознания) базируются на установках или предположениях (схемах), выработанных в результате предшествующего опыта. Когнии могут быть автоматическими, неосмысленными и дисфункциональными, внешне правдоподобными, но ошибочными, произвольными и т.д. В частности, дисфункциональные когнии относятся к самосознанию индивида, к миру или к будущему (т.н. "когнитивная триада") и являются результатом главных видов своеобразного (свойственного именно данной личности) ошибочного способа переработки информации, когда происходят: неправильный логический вывод (логические ошибки), выборочное абстрагирование (вследствие сосредоточенности на несущественных деталях), необоснованное обобщение, преувеличение негативных и преуменьшение позитивных переживаний и т.д. Психотерапия состоит в том, что:

- устанавливается, каков набор привычных когний и схем,
- по ходу беседы с пациентом эти когнии высвечиваются, так чтобы больной осознал их абсурдность,
- стремятся вытеснить одни когнии другими, более здоровыми [13, с. 10].

3.3. Когния – формируемая и миропреобразующая сила. Перерабатываемое знание структурировано и упорядочено линейно в соответствии с очередностью его освоения данным человеком. Мир меняется, а потому меняются и наши когнии мира, и модусы самопонимания [52, с. 67]. Вот почему мы пользуемся не заранее расфасованными данными, а какой-то пока еще не вполне ясной их организацией, позволяющей применять знание в новых контекстах и генерировать новое знание.

В то же время, человеческая когния – не только формируемая, но и формирующая сила. Миры образов, в которых мы живем, не только отражают эмпирическую данность, но и продуцируют ее в меру нашей способности создавать символы [53, с. XIII].

"Всякая мысль метафорична", – так говорил Ф. Ницше. Э. Кассирер показал, что пространство, время и число формируются именно с помощью образного мышления (порождениями которого К. Леви-Стросс считал язык, миф и культуру). Однако человеческие образы должны каким-то образом соотноситься с явью, с феноменом или тем, что кажется явью. Поэтому представление всегда связано с чем-то, посредующим между вещами и знанием о них. Чтобы выяснить, как выглядит этот посредующий уровень, следует проанализировать структуру в терминах знаков и их значимости. У каждого знака оказывается свое историческое измерение, составляющее суть знака. Но образы – фигуры мышления – проявляют свое истинное значение, только когда интерпретируются и анализируются в своей совокупности [53, с. XIII].

Отсюда ясно, что мир (вопреки расхожему представлению о когнитивизме) – не индифферентный поток информации, только подвергаемый обработке. Когния организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, – делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре. Речевое общение направлено на установление договоренностей о нормах в употреблении значений, интерпретаций и понятий. Успех таких "переговоров" зависит от того, как мы их ведем [16, с. 12–13]. Способ представления (репрезентации) знаний согласуется с социокультурным опытом человека – носителя знания.

Итак, когния вдвойне "интерактивна" [54, с. 12]: связана и с воспринимаемым миром, и с волей человека.

В искусственном интеллекте обычно полагают, что компьютеры и мозг человека обладают по меньшей мере следующими тремя различными уровнями организации, ср. [19, с. 57]:

- семантическим, задаваемым в терминах знаний и целей и позволяющим установить степень осмысленности и даже целесообразности связей между когнициями,

– символьным, куда входят символы, их структура и правила оперирования символами,

– физическим (или биологическим), определяемым структурой и принципами функционирования физического объекта.

Отдаленно эта "архитектура мысли" (структура и взаимоотношения механизмов, лежащих в основе когнитивного поведения и порождающих это когнитивное поведение [55, с. 93]) напоминает трехчленное деление в семиотике (семантика, синтактика и прагматика). Каковы же механизмы гибкого взаимодействия процессов и модулей, относимых к этим различным уровням? И каковы процедуры оптимизации принятия решений в реальном времени?

Одно из решений даст Х. Саймон [56, с. XII]:

1. Есть система обработки информации, основанная на сравнительно небольшой оперативной (кратковременной) памяти и фактически неограниченной долговременной памяти.

2. Долговременная память ассоциативна по организации и "заиндексирована" сетью противопоставлений, гарантирующей быстрое распознавание знакомых стимулов и быстрый доступ к хранимой информации, с этими стимулами связанной.

3. Работа когниции протекает так.

– механизмы, в общих чертах совпадающие с процедурами понимания, генерируют репрезентацию проблемы,

– осуществляется выборочный поиск в рамках проблемной области, задаваемой такой репрезентацией.

4. Знание задается в памяти в терминах как схем, так и результатов работы этих схем (своеобразный архив).

5. Система способна к самопополнению, т.е., к добавлению новых схем памяти, новых результатов работы схем, а также к расширению системы сетей противопоставлений.

Меняется ли когниция со сменой поколений? Результаты некоторых исследований дают основания для положительного ответа на этот вопрос. Так, филологическое исследование показало [57, с. IX], что у Шекспира (в меньшей степени – у Марлоу), в отличие от предшественников, пьесы структурированы так, чтобы еще до основного действия сделать понятными зрителю намерения героев. Иначе говоря, Шекспир помогает своему адресату выработать ожидания. Этого не было у авторов до Шекспира. Выработка ожиданий – не какая-то независимая психологическая способность, а попутный продукт интерпретации речевых событий, когда выявляются причинные и временные отношения между событиями. Напрашивается вывод, что шекспировская эпоха была временем своеобразной "когнитивной революции", когда изменились механизмы когниции у целого поколения. Видимо, где-то между двенадцатым и серединой семнадцатого веков английская ментальность вступила на новый путь мышления: мышления в терминах времени, причинности и вероятности. Аналогичный переход повторяется в онтогенезе – по мере взросления человека двадцатого века. Мы предполагаем также, что об изменении когниции от поколения к поколению свидетельствуют и изменение видо-временных систем европейских языков, системы определенности-неопределенности (например, появление и исчезновение артиклей) и подобные синтактико-семантические изменения языка.

3.4. Когнитивный стиль личности. Человек – активный носитель когниции, выступающий в двойной роли: как рассматривающая, познающая сторона – и как центр перспективы. П. Тейяр де Шарден в этой связи писал: "Объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания. Волей-неволей человек опять приходит к самому себе и во всем, что он видит, рассматривает самого себя. Вот кабала, которая, однако, тут же компенсируется некоторым и единственным в своем роде величием. То, что наблюдатель, куда бы он ни шел, переносит с собой центр проходимой им местности, – это довольно банальное и, можно сказать, независимое от него явление. Но что происходит с прогуливающимся человеком, если он случайно

попадает в естественно выгодную точку (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны? Тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту. Местность расшифровывается и озаряется. Человек видит. ...Центр перспективы – человек – одновременно центр конструирования универсума. ...С самого начала своего существования человек представляет зрелище для самого себя. Фактически он уже десятки веков смотрит лишь на себя. Однако он едва лишь начинает обретать научный взгляд на свое значение в физике мира" [58, с. 37–38].

Каждому человеку свойствен свой когнитивный стиль. Последнее понятие пришло в когнитивизм из психоаналитической традиции, где пытаются объяснить, как импульсивное и эмоциональное "Оно" (Id) контролируется более интеллектуально и реалистично ориентированным Эго. В широком смысле, когнитивный стиль [59, с. 31] можно определить как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его "компетенции". Для выделения стиля существенно не то, достигается ли в результате цель, а то, как она достигается. Когнитивные стили связаны со структурными отношениями между мыслью и ощущением [60, с. 5]:

1. Вербальные, визуальные и активизирующие модусы мысли могут использовать различные виды когнитивных структур.

2. Если эти структуры обладают двойной ролью – когнитивной и эффективной, – приписываемой им в традиции когнитивного стиля, – тогда различные когнитивные структуры могут быть связаны с конкретными видами аффектов и чувств. Это значит, что в вербальном, визуальном и активизирующем представлениях есть систематические и структурные отношения между мыслью и чувством.

3. Есть стили репрезентирования, связанные с типами личности. Тот или иной когнитивный стиль ассоциирован с определенным характером. Когнитивный стиль – относительно стабильное сочетание "личностных инвариантов" у конкретной личности [61, с. 7]. Имеются три вида таких личностных инвариантов [61, с. 7]:

– инварианты-модальности и инварианты-процессы в обращении с информацией: речь идет о большей или меньшей степени интеллектуальной эффективности, склонности (в конкретных обстоятельствах) выбирать последовательность тех, а не иных операций;

– инварианты-репрезентации, соотнесенные по содержанию и по своей структуре;

– мотивационные когнитивные инварианты, связанные с представлениями о цели действия и с необходимостью стимуляции.

Когнитивное развитие человека можно рассматривать как установление когнитивного стиля [62, с. 1], не считая (в отличие от Пиаже) индивидуальные вариации второстепенными особенностями скорости развития, т.е., не относя индивидуальные различия к случайным вариациям в реализации одного идеального направления развития.

Все это следует учитывать, рассматривая понятие "индивидуального" стиля речи.

3.3 Вывод: когниция и интерпретация рядоположены. Итак, вырисовывается такая характеристика понятия "когниция", которая в теориях человека (в последние годы) представлена понятием "интерпретация". В филологии интерпретация речи человеком – это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками [63]. Когнитивисты заставляют поставить вопрос о том, как и когда индивид отбирает из богатства языка именно данные его средства. Вот эти-то средства и получают общее название "языковая когниция".

4. ЯЗЫКОВАЯ КОГНИЦИЯ

4.1. Мир и языковая когнция. В свое время Б. Уорф много сделал для популяризации идеи, что когнитивные процессы, образуя "естественную логику", зависят от конкретного языка, используемого в качестве родного [64]: язык формирует картину мира и мысли, а не просто выражает их [65, с. 47]. Эта постановка вопроса, породившая целую тематическую область "логика языка" (рассматриваемую Ю.С. Степановым), дает фундамент для исследования в области "языковой когнции".

В то же время, когнитивисты не столь категоричны, как Уорф, и полагают, что и универсальные (не зависящие от конкретного языка), и неуниверсальные когнитивные процессы используются людьми при интерпретации текста и при восприятии действительности [66, с. 350]. Конкретно говоря, имеются:

- "переменные когнции", варьирующиеся от языка к языку; например, сведения о морфемах, о синтаксических конструкциях, о фонологических противопоставлениях, даже о категориях, прототипах и семантемах (семантических противопоставлениях и возможностях этих противопоставлений сочетаться в рамках одной языковой единицы);

- универсальные стратегии использования этих "знаний" (а точнее, "когний") при продуцировании и интерпретации сообщений на конкретном языке.

Такая идея созвучна положению, принятому в информационно-поисковой парадигме, о хранении данных отдельно от алгоритмов использования данных. Сменный набор данных (причем не только языковых, но и внеязыковых) отделен от самих когнитивных процессов. Все шире внедряется это же положение и в генеративную лингвистику [67, с. 161–169].

4.2. Механика языковой когнции. Хранилище конкретных знаний "пристегивается" к универсальному и конечному (в любой конкретный момент, но потенциально не ограниченному) набору когнитивных стратегий, обладающих скорее контролирующей (распознающей, или интерпретирующей), чем продуцирующей функцией [67, с. 14]. По мере взросления, "созревания" когнции человека, пополняется (корректируется) и хранилище конкретных знаний, и набор стратегий. Среди новых стратегий есть и оптимизирующие стратегии, которые, в отличие от исходных универсальных когнитивных стратегий, доступны далеко не каждому типу личности, хотя некоторые, возможно, также не зависят от конкретного языка. Расширенные когнитивные системы – результат взаимодействия опыта человека со все время расширяющимся запасом оптимизирующих стратегий (это – переформулировка положения Н. Хомского [68, с. XXVX]), а не только абсолютного прироста конкретных знаний, представимых в виде атомарных пропозиций.

Неясным до сих пор, впрочем, остается вопрос относительно сущности правила грамматики:

- соответствует ли оно структуре данных (или вычислительной процедуре, реализуемой мозгом) или

- хранится в виде "человекочитаемого" спрессованного резюме данных о языковом суждении, будучи эпифеноменом "нейровычислительных" процессов совершенно иного вида [69, с. 230]?

Ответ на этот вопрос когнитивисты ищут то в разработке теории врожденности когнитивного устройства, то в исследовании причин развития языка в детстве.

Итак, активность человеческой когнции не следует рассматривать ни как функционирование единого и неизменного универсального механизма, ни даже как исключительно "совокупность приобретенных навыков" [70, с. 23]. Эта деятельность опирается на механизмы обоих видов. Например, оптимизирующие стратегии позволяют квалифицированно и быстро извлекать нужные сведения при интерпретации текста.

Приобретение оптимизирующих стратегий – не простое пополнение, например, уже сложившегося набора стратегий, а случай, когда уже модифицированный набор

используется для своего дальнейшего усовершенствования. При таком усовершенствовании [71, с. 23] происходят: выдвижение гипотез, верификация их, индукция, дедукция, используются новые сведения и оценивается надежность такого использования, устанавливается место для новых сведений среди старых и методы доступа к ним. Важное место занимает в этом комплексе "ведение системы когний", когда, например, возникает конфликт между старыми и новыми единицами хранения, между уже используемыми оптимизирующими стратегиями и новыми кандидатами. Исход таких конфликтов не всегда однозначно предопределен собственно когниями. аффекты тоже играют роль. Крайней когнитивной депрессией можно назвать тот исход, когда интерпретатор отказывается вообще от попыток что-либо извлечь из текста и пребывает в интерпретативной прострации.

Главным же поводом для изменения языковых когний является конкретный эпизод удачного или неудачного использования языка, в частности, при понимании другого человека. Каковы же мотивы для модификации когний при понимании речи [72, с. 495]?

Один из возможных ответов таков. Сталкиваясь с нарушением некоторого предписания об употреблении языка, мы либо бракуем само конкретное выражение (так поступают многие, очень многие, следуя в этом школьным учителям), либо начинаем подозревать себя в неполной компетентности. Этот ответ приводит к следующему положению: главное различие между языками состоит не в том, что они могут выразить, а в том, что они должны выражать: "Естественно, внимание говорящих и слушающих на родном языке будет постоянно сосредоточено на таких именно единицах, которые обладают статусом принудительности в их речевом коде. В своей когнитивной функции язык в минимальной степени зависит от грамматической структуры, потому что определение нашего опыта находится в дополнительном отношении к металингвистическим операциям: когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует интерпретации-перекодировки, т.е. перевода (translation). Но в шутке, в сновидениях, в магии, словом, в том, что можно назвать обыденной речевой мифологией, а также прежде всего в поэзии, грамматические категории обладают большим семантическим весом" [73, с. 433].

Элементы хранилища знаний, соответствующие обязательным категориям данного языка, ассоциированы с инвариантными схемами (в когнитивистском смысле термина "схема"), а сигналами для модификации хранилища являются:

- осознание отсутствия нужной схемы – непонятность слова, словосочетания, странность конструкции предложения и т.п.,
- нехватка нужных слов для выражения требуемых отношений между схемами (случай обратный первому),
- ощущение, будто вы воспринимаете и продуцируете речь, лишь как в тумане отдавая себе отчет о ее смысле.

Но одного сигнала еще мало. Необходимы еще: намерение понять речь и готовность к самоусовершенствованию. Это намерение тем сильнее, чем больше аффективная окраска, аффективный аккомпанемент интерпретации речи. Может быть, за этим намерением лежит еще что-то, аналогичное влечению, аппетиту и т.п.? Об этом читаем у Николая Кузанского (в работе 1440 г.): "Натурфилософы говорят, что влечению к пище предшествует некоторое болезненное чувство в преддверии желудка, побуждающее природу, которая стремится к самосохранению, подкреплять себя. По-моему, точно так же и сильное удивление, начало философии, предшествует жажде познания, благодаря которой интеллект, чье бытие есть понимание, укрепляет себя исследованием истины. А задевает нас обычно редкостное, даже если оно ужасно" [41, с. 49].

4.3. Усвоение языковых и внеязыковых когний. Между "языковым модулем" и остальными видами когниции нет пограничного столба: язык влияет на пути образования и развития понятий [75, с. IX], а остальные типы когниции – на усвоение языка [75, с. 155]. Как бы оптимистично мы ни смотрели на

возможности человека, его когнитивная ограничена в принципе: чтобы преодолеть когнитивные границы, человеку придется эволюционировать дальше, а между его будущей когнитивной и когнитивными способностями сегодняшнего цивилизованного человека будет примерно та же разница, что между интеллектом *homo sapiens* и неандертальца. Вследствие этого, далеко не любая знаковая система может стать языком для *homo sapiens*. Есть границы у "языка, доступного когнитивной" (*cognitively construable language*) человека [76, с. 177], не все возможности которого еще, впрочем, исчерпаны: не любой "язык, доступный для когнитивной" годится в качестве средства общения между людьми. Выбирая из всех возможностей при усвоении языка, дитя человеческое действует сообразно со своими когнитивными природными задатками.

И при эволюции видов, и в развитии индивидов когнитивные структуры, интерпретирующие воспринимаемые предложения и инициирующие продуцируемые предложения, устанавливаются в период предъязыкового развития, в результате усвоения адаптивного поведения [77, с. 329]. Как современному ребенку, так и гоминидам, еще не имевшим языка, необходимо:

- осознать значимость состояний и событий вокруг себя,
- научиться соответственно действовать.

Чем больше предложение внешне соответствует структурам, выработанным в предъязыковом опыте, тем быстрее оно будет освоено детьми и тем легче будет "переработано" при понимании и выражении взрослыми. Более того [77, с. 330], эта "глубинная" когнитивная система присуща одновременно и неязыковому (перцептивному), и языковому каналам обработки информации.

Особенно поучительны в этой связи исследования того, как усваивают свой родной язык дети, лишённые одного из каналов когнитивной. Оказывается, они иначе, чем в обычном случае, конструируют гипотезы о значении слова и символов вообще. В частности, к особенностям слепых детей относится следующее [75, с. 155]:

- в лексиконе есть только продуктивно образуемые производные единицы, а слова, усвоенные в самом начале, редко выходят из употребления;
- усваиваемые слова всегда связаны с действиями самого ребенка (как бы в вакууме), – в то время как зрячие дети активно пользуются обозначениями деятельности при общении с другими людьми и с предметами;
- функциональные термины и термины отношений (типа: да, больше, снова) не используются для отражения динамического состояния сущностей; зрячие же дети четко указывают на различные изменения состояний;
- отсутствие зрительной информации на использовании иллюкативного потенциала речи сказывается меньше, чем на использовании внекоммуникационных единиц [75, с. 159];
- относительная частота императивов по сравнению с утверждениями четко коррелирует с отсутствием зрения и наоборот, относительная частота утверждений связана с доступом к зрительной информации [75, с. 160]. Для зрячих существенны стратегии предложения чего-либо и указания, для незрячих же – стратегии привлечения внимания.

5. ВЫВОД: ЯЗЫКОВАЯ КОГНИЦИЯ – АКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Итак, понятие языковой когнитивной совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком, когда для этих действий появляется повод – речь. Если эту речь нужно продуцировать, внутренний мир интерпретируется в виде речи. Когда же речь задана как объект восприятия – интерпретируется она.

Вырисовывается следующая картина. В общечеловеческой когнитивной заложены универсальные когнитивные стратегии. Человеческий опыт их использования приводит к накоплению "объектных" знаний и "оптимизирующих стратегий". Модифицируя гипотезу, сформулированную Ф. Либерманом [78, с. VII], можно предположить, что уни-

версальные стратегии встроены в человеческий мозг, заданы самой его биологической структурой и аналогичны электронным схемам в составе ЭВМ. Объектные же знания и оптимизирующие стратегии представляют собой нечто вроде самонакапливающегося программного обеспечения (случай пока еще необычный для современных ЭВМ, но вполне возможный). Особенность эволюции человеческой когниции состоит в том, что с течением времени это программное обеспечение приводит к перестройке "электронных схем", причем осуществляемой без вмешательства извне (в случае ЭВМ вмешался бы человек). Эта перестройка – результат взаимодействия между когнициями людей, отчего каждое следующее поколение индивидов реализует в виде "электронной схемы" то, что раньше входило частично в программное обеспечение. Но на любом этапе эволюции, для любой индивидуальной когниции различие "запаянных" и "вырабатываемых" элементов (возможно, в новом составе) остается.

В пользу этого говорит следующее соображение [79, с. 13]. Если бы не было универсальных стратегий (т.е., "когнитивно непроницаемых процессов", в смысле [80]), то иллюзии восприятия не были бы однотипными у разных людей. С другой стороны, если бы когнитивная система была полностью непроницаемой, т.е. неспособной к усвоению новых когниций (в частности, новых стратегий интерпретирования), то не смогла бы адаптироваться к окружению, что привело бы – а возможно, уже когда-то привело или еще приведет – к эволюционному краху. В то же время не только эволюция человека, но и само восприятие естественного языка, интерпретация текстов сопряжены с процессами обоих видов – это прекрасно продемонстрировал Дж. Фодор [81].

В каждом элементарном акте речи и когниции есть элементы статики (синхронии) и динамики – диахронии, подвижности системы, ее изменения, приспособления к перерабатываемому объекту в конкретном окружении. С абсолютизацией статики мы сталкиваемся, когда пытаемся интерпретировать старые тексты, в опоре лишь на логику сегодняшнего дня [82, с. 8], что исключает реконструирующую интерпретацию. Абсолютизация же динамики граничит с некритичным восприятием, с внушением чужих мыслей, без поправок на сиюминутность и неповторимость момента восприятия: это обезличенность интерпретатора. Нормальное интерпретирование находится где-то посередине между двумя этими крайностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hautamäki A.* Jondanto // Kognitiotiede. Helsinki, 1988.
2. *Richelle M.* Les cognitivisme: Progrès, regression ou suicide de la psychologie? // Comportement, cognition, conscience: La psychologie à la recherche de son objet: Symposium de l' Association de psychologie scientifique de langue française (Lisbonne, 1985). P., 1987.
3. *Le Ny J.-F.* Science cognitive et compréhension du langage. P., 1989.
4. *Bechtel W.* Philosophy of mind: An overview for cognitive science. Hillsdale, 1988.
5. *Rumelhart D.E., Smolensky P., McClelland J.L., Hinton G.E.* Schemata and sequential thought processes in PDP models // Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition. Vol. 2. Psychological and biological models. Cambridge (Mass.); London, 1986.
6. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt. – 2-te, völlig neu bearb. Aufl. Göttingen, 1988.
7. *Lycan W.B.* Introduction // Mind and cognition: A reader. Oxford, 1990.
8. *Simon H.A., Kaplan C.A.* Foundations of cognitive science // Foundations of cognitive science. Cambridge (Mass.); London, 1989.
9. *Pylyshyn Z.W.* Computing in cognitive science // Foundations of cognitive science. Cambridge (Mass.); London, 1989.
10. *Arbib M.A.* In search of the person: Philosophical explorations in cognitive science. Amherst, 1985.
11. *Kegel G.* Zur Operationalisierung des Menschen: Die psycholinguistische Sicht der kognitiven Wissenschaften // Sprachwissenschaft und Psycholinguistik: Beiträge aus Forschung und Praxis. Opladen, 1986.
12. *Croft W.* Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. Chicago; London, 1991.
13. *Albersnagel F.A.* Cognition, emotion and depressive behavior: From learned helplessness theory to accessibility of cognitions theory. Groningen, 1987.

14. Gardner H., Wolf D.P. The symbolic products of early childhood // Curiosity, imagination, and play: On the development of spontaneous cognitive and motivational processes. Hillsdale; London, 1987.
15. Miller G.A. A very personal history. Cambridge (Mass.), 1979.
16. Bruner J.S. Acts of meaning. Cambridge (Mass.); London, 1990.
17. Pinker S. Language learnability and language development. Cambridge (Mass.); London, 1984.
18. Fodor J.A., Bever Th.G., Garrett M.G. The psychology of language: An introduction to psycholinguistics and generative grammar. New York etc.: McGraw-Hill, 1974.
19. Goldman A.I. Cognitive science and metaphysics // Journal of philosophy, 1987. V. 84. N 10.
20. Devitt M. A narrow representational theory of the mind // Mind and cognition: A reader. Oxford, 1990.
21. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen: Erster Teil: Die Sprache. Berlin, 1923.
22. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. М., 1969.
23. Lieb H.-H. Sprache und Intentionalität: Der Zusammenbruch des Kognitivismus // Sprachtheorie: Der Sprachbegriff in Wissenschaft und Alltag. Düsseldorf, 1987.
24. Searle J.R. Minds, brains and science. Cambridge (Mass.), 1984.
25. Newell A. Unified theories of cognition. Cambridge (Mass.): London, 1990.
26. Wunderlich D., Kaufmann I. Lokale Verben und Präpositionen – semantische und konzeptuelle Aspekte // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. Opladen, 1990.
27. Felix S.W., Kanngiesser S., Rickheit G. Vorwort // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. Opladen, 1990.
28. Eschenbach C., Habel Ch., Herweg M., Rehkamper K. Restriktionen für plurale Diskursanaphern // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. Opladen, 1990.
29. Lakoff G. Categories: An essay in cognitive linguistics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. Seoul, 1982.
30. Felix S.W., Kanngiesser S., Rickheit G. Perspektiven der Kognitiven Linguistik // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. Opladen, 1990.
31. Eliasson S. An outline of a cognitively-based model of phonology // Languages in contact and contrast. Berlin; New York, 1991.
32. Willensky R. Meaning and knowledge representation // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists: Berlin (GDR), August 10 – August 15 1987. Berlin, 1990.
33. Jakhendoff R.S. Semantics and cognition. Cambridge (Mass.), 1983.
34. Myers T., Brown K., McGonigle B. Introduction: Representation and inference in reasoning and discourse // Reasoning and discourse processes. London etc., 1986.
35. Johnson-Laird Ph.N. The computer and the mind: An introduction to cognitive science. Cambridge (Mass.), 1988.
36. McKenna W.R. Husserl's "Introduction to phenomenology": Interpretation and critique. The Hague etc., 1982.
37. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия // Беркли Дж. Сочинения. М., 1978.
38. Джохадзе Д.В., Стяжкин Н.И. Введение в историю западно-европейской средневековой философии. Тбилиси, 1981.
39. Raeymaekers L.de. Introductio generalis ad philosophiam Thomisticam. Louvain, 1931.
40. Schmidl W. Homo discens: Studien zur Pädagogischen Anthropologie bei Thomas von Aquin. Wien, 1987.
41. Кузанский Н. Об ученом незнании // Кузанский Н. Соч. в двух томах. М., 1979. Т. 1.
42. Bonhoeffer D. Akt und Sein: Transzendentalphilosophie und Ontologie in der systematischen Theologie. Gütersloh, 1931.
43. Flavell J.H. Cognitive development. Englewood-Cliffs, 1977.
44. Bühler A. Die Logik kognitiver Sätze: Über logische Grundlagen der Argumentation in den Geistes- und Sozialwissenschaften. Berlin, 1983.
45. Früchtl J. Mimesis: Konstellation eines Zentralbegriffs bei Adorno. Würzburg, 1986.
46. Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit: Beiträge zur Gegenstandstheorie und Erkenntnistheorie // Meinong A. Gesamtausgabe. Bd. 6.: Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. Graz, 1972.
47. Putallaz F.-X. Le sens de la réflexion chez Thomas d'Aquin. P., 1991.
48. Morin E. La méthode. T. 4: Les idées: Leur habitat, leur vie, leurs moeurs, leur organisation. P., 1991.
49. Ros A. Begründung und Begriff: Wandlungen des Verständnisses begrifflicher Argumentation. Bd. 2: Neuzeit. Hamburg, 1990.
50. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists: Berlin (GDR), August 10 – 15. 1987. Berlin, 1990.
51. Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. Chicago; London, 1991.
52. Mohanty J.N. Transcendental philosophy, time, history and interpretation theory: Some thoughts on an anti-

- foundationalistic argument // *Perspektiven transzendentaler Reflexion: Festschrift Gerhard Funke zum 75. Geburtstag*. Bonn, 1989.
53. *Shapiro M., Shapiro M.* Figuration in verbal art. Princeton (N.J.), 1988.
 54. *Gill K.S.* The knowledge-based machine: Issues of knowledge transfer // *Artificial intelligence for society*. Chichester etc., 1986.
 55. *Newell A., Rosenbloom P.S., Laird J.E.* Symbolic architectures for cognition // *Foundations of cognitive science*. Cambridge (Mass.); London, 1989.
 56. *Simon H.A.* Models of thought: Vol. 2. – New Haven; London, 1989.
 57. *LePan D.* The cognitive revolution in Western culture: Vol. 1. The birth of expectation. – Houndmills; London, 1989.
 58. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека /Пер. с франц. – М., 1987.
 59. *Waber D.* The biological boundaries of cognitive styles: A neuropsychological analysis // *Cognitive style and cognitive development*. Norwood (N.J.), 1989.
 60. *Aylwin S.* Structure in thought and feeling. London; New York, 1985.
 61. *Huteau M.* Style cognitif et personnalité: La dépendence – indépendence à l'égard du champ. Lille, 1987.
 62. *Globerson T., Zelniker T.* Introduction // *Cognitive style and cognitive development*. Norwood, 1989.
 63. *Демьянков В.З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
 64. *Whorf B.L.* Collected papers on metalinguistics. Washington, 1952.
 65. *Fearing F.* An examination of the conceptions of Benjamin Whorf in the light of theories of perception and cognition // *Language in culture: Conference on the interrelations of language and other aspects of culture*. Chicago; London, 1954.
 66. *Durbin M.* Identifying semantic foci in lexical items // *Papers from the seventh regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1971.
 67. *Chomsky N.* Language and mind. New York etc., 1972.
 68. *Chomsky N.* Barriers. Cambridge (Mass.); London, 1986.
 69. *Pinker S., Prince A.* Regular and irregular morphology and the psychological status of rules of grammar // *Proceedings of the Seventeenth annual meeting of the Berkeley Linguistics Society: General session and parasession on the grammar of event structure*. Berkeley (California), 1991.
 70. *Найсцер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. М., Прогресс, 1981.
 71. *Rubin J.* Learner strategies: Theoretical assumptions, research history and typology // *Learner strategies in language learning*. Englewood Cliffs etc., 1987.
 72. *McCabe V.* The direct perception of universals: A theory of language acquisition // *Synthese*, 1982. V. 52. N 3.
 73. *Jakobson R.* Language in literature / Ed. by Pomorska K., Rudy S. Cambridge (Mass.); London, 1987.
 74. *Кузанский Н.* Об ученом незнании // Кузанский Н. Соч. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1979.
 75. *Dunlea A.* Vision and the emergence of meaning: Blind and sighted children's early language. Cambridge etc., 1989.
 76. *Finer D.L., Roeper Th.* From cognition to thematic roles: The projection principle as an acquisition mechanism // *Learnability and linguistic theory*. Dordrecht etc., 1989.
 77. *Osgood Ch.E.* Things and words // *The relationship of verbal and nonverbal communication*. – The Hague etc., 1980.
 78. *Lieberman Ph.* The biology and evolution of language. Cambridge (Mass.); London, 1984.
 79. *Carroll J.M.* On fallen horses racing past barns // *Papers from the parasession on language and behavior*. Chicago, 1981.
 80. *Pylyshyn Z.W.* Computation and cognition: Issues in the foundation of cognitive science // *Behavioral and brain sciences*, 1980. V. 3.
 81. *Fodor J.A.* The modularity of mind. Cambridge (Mass.), 1983.
 82. *Paultre R.* Marcel Proust et la théorie du modèle. P., 1986.